

Мухамеджанова Н.М.
Оренбургский государственный университет
E-mail: nuriyam@yandex.ru

«РАСКЛОТАЯ ЛИЧНОСТЬ» КАК ФЕНОМЕН ПОГРАНИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье обосновывается мысль о том, что специфические черты русского национального характера во многом детерминированы «расколотым», «пограничным» характером российской цивилизации, так как подобные образования отличаются низким уровнем структурированности ментальности и психологической структуры базовой репрезентативной личности и, как следствие, определенной противоречивостью, хаотичностью ее социально-психологических характеристик.

Ключевые слова: российская цивилизация, национальный характер, расколотая идентичность, культурный синтез, социально-психологические черты, духовность, коллективизм.

Специфика русского национального характера – сегодня, пожалуй, самая обсуждаемая тема не только ученых-гуманитариев, но и рядового обывателя. Как известно, особую актуальность для России она приобретает в переходные моменты истории, подобные современной социокультурной ситуации. Теоретическому осмыслению данной проблемы посвящены многочисленные работы отечественных исследователей. Специфика России определяется ими через категории «пограничной», «симбиотической» цивилизации, т. е. цивилизации, для которой характерна бинарность, расколотая идентичность, незавершенность культурного синтеза, дискретность развития и т. д.

Пограничность, расколотость российской цивилизации находит свое выражение и в национальном характере русского народа. Попытки выявить его наиболее типичные черты предпринимали многие отечественные, и даже западные мыслители. Одной из наиболее известных работ, посвященных данной проблеме, является книга Н.О. Лосского «Характер русского народа» [7]. В качестве «первичных основных черт», отличающих культурно-исторический облик русского народа, философ называет следующие:

- религиозность, искание абсолютного добра и смысла жизни;
- могучая сила воли, порождающая, с одной стороны, страстность и максимализм, с другой – обломовщину, леность, пассивность как следствие равнодушия к несовершенству земной жизни;
- свобода духа, испытание ценностей мыслью и опытом, что порождает нигилизм и хулиганство, склонность к риску и анархии;

– доброта, жалость, но вместе с тем и жестокость, порождаемая всеми несовершенствами русской жизни и т. д.

Н.О. Лосский утверждает, что отрицательные свойства русского народа, связанные с «дерзким испытанием ценностей», ведут к неустойчивости и опасным расстройством общественной жизни, преступлениям и бунтам. Однако философ неоднократно подчеркивает мысль о том, что отрицательные черты русского народа составляют не первичную, основную его природу, а возникают как оборотная сторона его положительных качеств или как их искажение.

Национальный характер описывается мыслителем через пары противоположностей, которых «особенно много у русских людей» [7, с. 238]. Самые разнообразные и даже противоположные друг другу качества сосуществуют в русской жизни, причем часто совмещаются в одном человеке, порождая впечатление «двоедушия», обманчивости, непредсказуемости русского человека. «Диапазон добра и зла» в русской жизни гораздо более велик, чем в любой другой культуре. Высокая степень добра и крайний размах зла постоянно сопровождают русского человека, способного внушать к себе такие же противоположные чувства: сильную любовь и сильную ненависть.

Таким образом, через всю книгу Н.О. Лосского проходит мысль о противоречивости, неформленности, хаотичности русского национального самосознания. Ту же мысль мы встречаем у П.Н. Милюкова, который коренной чертой русского характера считал «полную неопределенность и отсутствие ярко выраженного национального обличья» [8, с. 14–15]. Русский на-

род, по мнению мыслителя, – это народ, в общественном строе и в культуре которого «столько незаконченного и элементарного», того, что только может стать «обещанием на будущее» [8, с. 15]. Таким образом, П.Н. Милюковым также подчеркивается мысль о незавершенности культурообразующих процессов в России, выражающейся в неопределенности, неоднозначности национального характера. На эту особенность характера русского народа указывает и Ф. Степун, который пишет, что русский человек повсюду дома: с французами он француз, с англичанами – англичанин, с барями – барин [12, с. 317–318].

Именно расколота идентичность, присущая пограничной культуре, соединение в ней различных, противоположных по своей сути культурных начал обуславливает тот факт, что душа русского народа – «сложная и запутанная душа, ибо в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории. И эти две стихии в душе русского народа не были органически претворены в цельный характер, в единую волю, в единый разум» [1, с. 490]. Крайняя холодность и сердечность, лень и вспышки энергии, деспотизм и анархизм, жестокость и доброта, коллективизм и индивидуализм, раболепие и бунтарство, религиозность и безбожность – таковы характеристики русского национального самосознания.

С подобными противоречиями сталкивается всякий, кто пытается определить нравственный облик русского человека. Так, Г.П. Федотов, говоря о сущности национального характера, выделяет два типа «исторических формаций русской души», два типа «русскости», каждый из которых описан им в определенных социально-психологических чертах. Первый тип – вечный искатель, энтузиаст, беззаветно преданный народу, непримиримый враг всякой неправды, всякого компромисса, максималист в служении идее, святой беспочвенник и святой бессребренник в полном смысле этого слова. Этот тип человека Г.П. Федотов называет «интеллигентским». Ему противопоставлен другой тип – «московский». Его определяющие черты – глубокое спокойствие и молчаливость, органическое отвращение ко всему приподнятому, экзальтированному; простота, спокойная, уверенная в себе сила; чувство юмора и усмешка над вечно суесящимся, вечно озабоченным разумом [13, т. 2, с. 173–176]. В этих двух типах русскости Г.П. Федотов видит «выражение основного дуализма, присущего рус-

ской душе» [13, т. 2, с. 178]. Их противоборство, по мнению философа, обусловило драматизм русской истории XIX века.

Таким образом, сам национальный характер русского народа как специфические для нации социально-психологические черты становится расколотым образованием, крайне поляризированной структурой. И эта особенность национального характера далеко не случайна, она обусловлена симбиотическим характером российской культуры. Ведь подобные образования отличаются низким уровнем структурированности идеального «тела» культуры, т. е. ментальности и психологической структуры базовой репрезентативной личности, и, соответственно, определенной противоречивостью, хаотичностью ее социально-психологических характеристик [14, с. 233–243]. Однако подобная хаотичность национального самосознания – удел не только России. Так, например, о противоречивости и склонности к крайностям французского простонародья писал в начале XVIII века Пьер Карле Шамблен де Мариво. Однако подобные перепады в национальном характере он трактовал как проявление «неразвитости», «неразумия», а вовсе не как смысл «французского характера» или «французской идеи» [4, с. 387].

С подобной интерпретацией национального характера, пожалуй, можно было бы согласиться, если под «неразвитостью» французов XVIII века (как и русских XIX века) понимать именно незавершенность культурного синтеза, порождающая крайности и противоречия. Незавершенность культурного синтеза (а она, как известно, могла иметь место во французской культуре начала XVIII века) находит выражение в постоянном балансировании между варварством и цивилизацией как двумя противоположными по своей сути способами человеческого бытия. Цивилизация выступает как воплощение разума, Логоса, организующее стихийное, природное начало, олицетворяющее варварство. Отсутствие монолитного цивилизационного фундамента обуславливает определенную слабость цивилизации и возможность постоянных прорывов варварской стихии в действительность, то есть то «природно-дионисическое опьянение», грозящее вечным «погромом ценностей, угашением духа», о котором писал Н.А. Бердяев [1, с. 319].

Однако подобные свойства пограничной цивилизации – характеристики исторические,

и определение российской цивилизации как симбиотической носит относительный характер. Например, европейская цивилизация до определенного времени (Возрождение) обладала всеми чертами пограничных цивилизаций, включая расколотую идентичность, фрагментарность системы ценностей, инверсионность развития, бинарность, внутреннюю конфликтность, повышенную роль симбиоза как культурообразующего механизма и т. д.

Для российской же цивилизации проблема культурного синтеза является актуальной и сегодня, не случайно многие философы, культурологи говорят о ее молодости и даже «подростковости». Так, о «незавершенном», становящемся характере российской цивилизации писали Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет, признавая в то же время ее огромный потенциал роста.

Эта противоречивость, расколотость национального характера порождает «тягу к абсолютному», отсутствие чувства меры, приводит к тому, что в России «любой тезис оборачивается антитезисом» (Н.А. Бердяев), а любое достоинство с фатальной неизбежностью порождает отрицательное свойство русской души. Отсюда отмечаемая философами «жуткая близость идеала мадонны и идеала содомского» [12, с. 317], «святости и свинства» (Н.А. Бердяев). Сказанное с большой долей справедливости может быть отнесено и к русской духовности, и к коллективизму, и другим качествам русского народа. Поясним данное утверждение.

Россия всегда считалась воплощением истинной духовности и в этом смысле противопоставлялась сытому мещанскому Западу. Сама же духовность, как подчеркивают многие философы, обусловлена православной идеологией, лежащей в основе ментальных характеристик культуры. Именно духовность русской культуры составляла предмет особой гордости и даже превосходства ее над западной культурой. Вспомним письмо С. Есенина, написанное им под впечатлением от поездки по Европе: «Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют они внутри. Никакой революции здесь быть не может. Все зашло в тупик. Спасет и перестроит их только нашествие таких варваров, как мы. Нужен поход на Европу» [3, с. 107].

Однако, как указывают многие философы, именно духовность, ее «соблазны» имели печальные последствия для русской истории. Вечный поиск идеала оказывается той благодатной почвой, на которой очень часто возникают различного рода социальные утопии и мифы. Он создает в культуре своеобразный культ будущего и, как следствие, нетерпеливое желание осуществить его любой ценой, даже ценой огромных человеческих жертв, которая будет оплачена счастьем будущих поколений. Страстная тяга к вопросам высшего порядка и нетерпеливое стремление воплотить их в жизнь порождает в русской культуре пренебрежение интересами реального, живого человека во имя достижения очередной завиральной идеи.

С другой стороны, культ будущего обесценивает настоящее, необходимость ежедневных целенаправленных усилий и малых дел, порождает в русской культуре слабую ориентацию на повседневность, отсутствие «духа творческой созидательности и законопослушной деловитости» [4, с. 149], характерной, к примеру, для западной культуры. Русский охотнее берется устраивать и решать проблемы глобальные, общечеловеческие, государственные, предпочтя их своим непосредственным практическим целям и задачам. Такие качества, как деловитость, практицизм и активность, характерные для западной культуры, не вызывают у него большого сочувствия. Его героями являются носители высших духовных идеалов и ценностей – борцы за народное счастье, мученики, страдальцы. Примат духа над презренной обыденностью часто оборачивается презрительным отношением к «мирской суете» и «мещанской сытости»; стремление к духовному совершенству – нереальными благими мечтаниями, высокопарными словопрениями о «вечных святынях», за которыми часто скрывается практическая беспомощность, бездеятельность или попросту лень.

Таким образом, несомненное достоинство русского национального характера, доведенное до предела, до «взаимоупора» (И.В. Кондаков) обращается в свою противоположность, становясь источником деструктивных процессов как в самой России, так и в мире.

Сказанное также может быть отнесено и к коллективизму, который признается многими авторами как определяющая черта русского национального характера. С позиций Н.А. Бер-

дьява, характерной особенностью русской культуры является то, что она несет в себе ярко выраженные черты «коммунитарности», т. е. социалистичности. Об этом также сегодня пишут многие как зарубежные, так и отечественные авторы. Так, И.В. Кондаков считает, что именно от восточного типа цивилизаций берут свое происхождение такие черты российской цивилизации, как подавляющая роль государства, осуществляющего контроль над всеми сферами жизни общества; общинно-коллективистское сознание общества; господство соборных, «вечевых» идеалов самоуправления; приверженность общественным формам собственности и стойкое предубеждение против частной собственности; глубоко укорененное самосознание личности как элемента, репрезентирующего надличностное, всеобщее целое [6, с. 320].

Значимость коллективистских ценностей в русской культуре определялась сложными условиями существования России. Суровый климат, огромные территории, сложно поддающиеся цивилизационному освоению, необходимость защиты от внешних врагов вызывали потребность жить и работать сообща, подчиняя собственные интересы интересам общины, народа, государства. Коллективизм, коммунитарность, присущие русскому народу, находят духовную легитимацию в православной религии, главной идеей которой является идея соборности. Таким образом, коллективизм был вызван объективными причинами и являлся одним из главных факторов стабильности и самосохранения общества и личности в тех специфических условиях, в которых приходилось существовать России.

Однако именно присущее России общинно-коллективистское сознание формировало представление о личности как «колесике» и «винтике» социальной системы, не имеющем безусловной значимости, порождало отношение к человеку как к средству достижения целей более высокого порядка – государственных, общественных, идеологических. Во все периоды российской истории всеми реформаторами народ рассматривался как безликая аморфная масса, не обладающая ни собственной волей, ни самостоятельной ценностью. Естественно, что подобное отношение к человеку порождало такие негативные черты национального характера, как активное неприятие независимости и свободы

человека, безынициативность, неприязненное отношение к быстрому карьерному продвижению и служебному росту.

Та же двойственность русского национального характера проявляется и в отношении к труду. С одной стороны, необходимость труда никем не отвергается, признается его важность, с другой – «он не считается безошибочным средством, автоматически обеспечивающим осуществление земного призвания человека и правильное устройство души» [5, с. 112]. Труд для русского человека если и является ценностью, определяющей его трудолюбие, то не главной ценностью, а средством достижения других, нематериальных, непрактических целей, элементом жизни, подчиненным высшим духовным ценностям. Идея упорного труда ради достижения материального благополучия не может воодушевлять русского человека, ибо его «трудно подвигнуть на дело во имя повседневности, душа его взывает «великих идей» и целей, и только в этом контексте он готов признавать и оправдывать повседневность» [10, с. 86]. Но когда есть эта «великая идея», цель – социализм, коммунизм или Царство Божие на земле – русский народ способен проявлять многочисленные примеры трудового героизма и самоотверженности. Если же такой цели нет, то и трудится он в той мере и в тех пределах, которые необходимы ему для собственного выживания.

Отношение русского национального самосознания к своей стране и культуре также предельно поляризовано. С одной стороны, для него характерна высокая самооценка, претензии на особое место и роль России в мире («Москва – третий Рим»), уверенность в исключительности, уникальности русской культуры, выраженная в поэтической фразе «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». С другой – постоянная оглядка на Запад, комплекс собственной неполноценности, следствием которого является «европейничанье» как застарелая болезнь русской души (Н.Я. Данилевский).

Та же противоречивость, двойственность русского национального характера проявляется и в отношении к религии. С одной стороны, ему присуща особая религиозность и «искание абсолютного добра Царства Божия» (Н.О. Лосский), с другой – воинствующий атеизм, который парадоксальным образом оказывается следствием той же особой религиозности, а имен-

но следствием переключения религиозной энергии на нерелигиозные предметы, о чем писал, в частности Н.А. Бердяев.

И, наконец, двойственность русского национального характера проявляется и в его отношении к власти. С одной стороны, для него всегда было характерно преклонение перед сильной властью и обожествление ее: власть мыслилась как главная опора, на которой держится весь социальный порядок и от которой зависит все: безопасность человека, уровень его доходов, благосостояние семьи. С другой стороны – именно жестокость и деспотичность власти порождала противоположное стремление к воле – стихийной форме протеста, не ограниченной какими-либо рамками и «правилами игры», порождала «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Бунтарство и произвол возникали как инверсионная реакция на избыточный авторитаризм, за которой, как правило, следовало еще большее порабощение личности.

Отсюда вытекает и другая оппозиция, свойственная русскому национальному характеру: бунтарство, свободолюбие, с одной стороны, и покорность, смирение – с другой. Смирненное отношение к страданию, терпение, самоограничение в условиях жесткой, репрессивной культуры становится ценностью, без которой нет уважения к человеку, рассматривается как способ формирования личности, выработки сильного характера. Как утверждает К. Касьянова, «Желание пострадать в нашем человеке есть желание самоактуализации» [5, с. 114] – самоактуализации не в борьбе с внешними силами и препятствиями, а с самим собой во имя внутренней свободы и осуществления добра. Американский психоаналитик Д. Ранкур-Лаферьер видит в этой особенности русского национального характера свидетельство нравственного мазохизма, который имел место на всех этапах российской истории, во всех слоях общества. С позиций психоаналитика, в России с ее традицией смирения и покорности судьбе, самоосуждения и саморазрушения, желанием подчиниться «сильной руке», мазохизм – широко распространенное явление, не изжитое и сегодня [11].

Именно эти черты национального характера русского народа, обусловленные пограничным характером культуры, детерминируют остроту и цикличность протекания кризисных процессов как на уровне социума, так и отдель-

ной личности. Как подчеркивает А.С. Ахиезер, промежуточная цивилизация всегда конфликтна: в ней постоянно происходят столкновения между двумя типами цивилизаций, раз за разом предпринимаются попытки выстроить отношения между ними, примирить, сгладить глубинные противоречия между противоположными ценностными системами. Расколота, противоречивая система ценностей приводит, в свою очередь, к появлению «расколотой» личности, в сознании которой совмещаются противоречивые, а порой и взаимоисключающие друг друга установки и ориентации: «Существуя в ситуации раскола, разлома культур, такая личность осваивает внутренне противоречивую культуру, формирует напряженный, конфликтный внутренний мир» [9, с. 61]. Противоречивая система ценностей вынуждает ее к постоянному лавированию, бесконечным колебаниям и внутренним сомнениям, одним словом, к непрерывающейся борьбе с самой собою.

Но особую остроту и драматичность данное противоречие приобретает в переходные моменты российской истории, подобные современной социокультурной ситуации. После десятилетий изоляции русский человек заново открывает для себя Европу, знакомится с ее достижениями в виде материального комфорта, высокого уровня потребления, индустрии досуга и развлечений, не всегда отдавая себе отчет в том, что все эти достижения – результат упорного труда многих поколений западных граждан. Следствием такого поверхностного усвоения чужого опыта становится «расколотый человек» – человек, который, с одной стороны, хочет жить в современном обществе, пользуясь его благами и техническими достижениями, с другой – не слишком верит в частную собственность, ценность личности, инициативы и предприимчивости и в достижении всех этих материальных благ уповает на принцип патриархальной уравнительности и справедливости [10, с. 89–90]. Такое противоречие между ценностями потребления, материальных благ и ценностями саморазвития А.С. Ахиезер считает давно сложившимся противоречием российского общества, которое приводит к разрыву между потребностями личности и возможностями их удовлетворения, между потребностями в благах и потребностью в творческой продуктивной деятельности, которая создает эти блага.

Необходимо также отметить, что присущая России нестабильность, постоянное неустойчивое балансирование между целостностью и расколом, цивилизацией и варварством, дискретность развития являлась на всем протяжении существования российского общества дестабилизирующим фактором развития личности, определяющим ее сложную, драматическую судьбу. Замечательно точно и убедительно эту особенность переходных эпох выразил Г. Гессе в романе «Степной волк»: «У каждой эпохи, у каждой культуры, у каждой совокупности обычаев и традиций есть свой уклад, своя подбоя-

щая ей суровость и мягкость, своя красота и своя жестокость, какие-то страдания кажутся ей естественными, какое-то зло она терпеливо сносит. Настоящим страданием, адом человеческая жизнь становится там, где пересекаются две эпохи, две культуры и две религии» [2, с. 240].

Таким образом, существование на стыке, на перекрестке эпох является перманентным состоянием российской культуры, а такие категории, как «пограничность» и «стыковость», характеризующие ее специфику, приобретает в данном контексте не только пространственный, но и временной смысл.

10.06.2014

Список литературы:

1. Бердяев, Н.А. Судьба России: Сочинения / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. – 736 с.
2. Гессе, Г. Степной волк // Собрание сочинений в 8 т. Т. 3 / Г. Гессе. – М.: АО Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1994. – 416 с.
3. Есенин, С. Письмо из Германии. 21 июня 1922 г. // Собрание сочинений в 5-и тт. Т.5. / С. Есенин. – М.: Худлит., 1966–68.
4. Кара-Мурза, А.А. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии / А.А. Кара-Мурза, Л.В. Поляков. – СПб: Изд-во РХГИ, 1999. – 439 с.
5. Касьянова, К.О. О русском национальном характере / К.О. Касьянова. – М.: Ин-т национальной модели экономики, 1994. – 367 с.
6. Кондаков, И.В. Культурология: история культуры России: курс лекций / И.В. Кондаков. – М.: ИКФ Омега-Л, Высшая школа, 2003. – 616 с.
7. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
8. Милуков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т.2. Ч.1. / П.Н. Милуков. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – 416 с.
9. Модернизация в России и конфликт ценностей / отв. ред. С.Я. Матвеева; РАН. Ин-т философии. – М., 1993. – 250 с.
10. Панарин, А.С. Заблудившиеся западники и пробудившиеся евразийцы / А.С. Панарин // Цивилизации и культуры. Вып. 1. – М., 1994. – С. 82–94.
11. Ранкур-Лаферьер, Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности / Д. Ранкур-Лаферьер. – М.: Ладомир, 2003. – 288 с.
12. Степун, Ф. Мысли о России / Ф. Степун // Литература русского зарубежья: Антология. Т.1. Кн. 1. – М.: Книга, 1980. – С. 293–324.
13. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): В 2-х т. Т. 2 / Г.П. Федотов. – СПб.: София, 1991. – 348 с.
14. Цивилизационные исследования / отв. ред. Б. И. Коваль. – М.: РАН, 1996. – 244 с.

Сведения об авторе:

Мухамеджанова Нурия Мансуровна, заведующий кафедрой культурологии
Оренбургского государственного университета, доктор культурологии, доцент

460018, г.Оренбург, пр-т Победы, 13, каб. 20808, тел.: (3532) 372574, e-mail: nuriyam@yandex.ru